

95
3-81

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія десятый.

МАРТЪ.

№ 10.

1917.



ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

РАННЯЯ ВЕСНА (стих.).
ЗАПИСКИ РЯБКИ.
ТРУСИХА.
ЗИМНІЙ СОНЪ (стих.).
ПРИЕМЫШЪ (повѣсть).
ПРИХОДЪ ВЕСНЫ (стих.).
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1) Городская Дума и 2) Буфетъ и столовые часы—для сѣяванія (на одномъ листѣ).
Игра въ паутинку.



Возврат книги не позднее обозначенного срока

ВОЗВРАТ КНИГ

608637

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

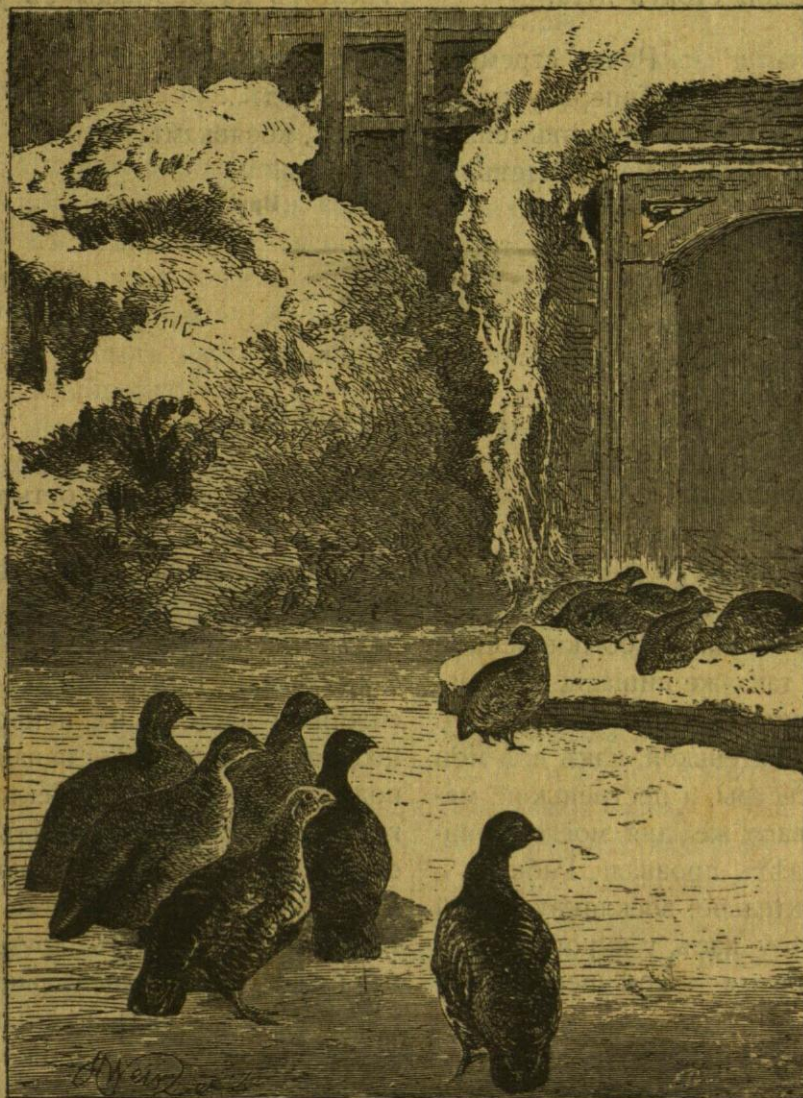
608637/1 КХ 2/85

Российская государственная
детская библиотека

95
3-РК

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО.

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.



Мы цѣлой семьей отправились къ домику и подошли къ нему такъ близко, какъ не подходили еще ни разу въ жизни.

РАННЯЯ ВЕСНА.

Идетъ снѣжокъ, но что за дѣло?
Теперь не страшны намъ снѣга!
Грачей ужъ стая прилетѣла,
И подъ водой стоятъ луга.

Валится снѣгъ и тутъ-же таетъ..
О, тай, снѣжокъ, прошла пора!
Скворецъ давно ужъ распѣваетъ,
Трешитъ на всѣ лады съ утра.

Ручьи стремятся по канавкамъ,
Теперь ужъ скоро ледоходъ...
Привѣтъ теплу, цвѣтамъ, козявкамъ!
Весна идетъ, весна идетъ!

Ирисъ.



ЗАПИСКИ РЯБКИ.

Я отлично помню, какъ я была маленькой и какъ только что вылупилась изъ яйца. Насъ было всего семеро братьевъ и сестеръ. Мы были похожи на цыплятъ обыкновенной курицы и такъ-же пищали, но только были меньше ростомъ. За то, что я была не желтенькой, какъ всѣ мои братья и сестры, а пестренькой, меня съ перваго же дня моего появления на свѣтъ прозвали Рябкой.

— Удивительно, воскликнулъ мой отецъ, — что у насъ, у куропатокъ, и вдругъ вывелся такой пестренькій птенецъ!

Отецъ и мать наши жили парочкой, какъ голуби, и цѣлыя четыре недѣли сидѣли на гнѣздѣ по очереди, стараясь ни на одну минуту не покидать

лицъ, чтобы они не остыли, такъ какъ гнѣзда у куропатокъ всегда находятся на самой землѣ. Когда улетала кормиться мать, то ее замѣнялъ отецъ и наоборотъ. Мать рассказывала мнѣ, что когда она высиживала насъ, то къ ней однажды подкралась лисица. Тогда нашъ отецъ подбѣжалъ къ ней, отвлекъ ее отъ гнѣзда и долго еще бѣгалъ вдали, стараясь не попасться ей на зубы и въ то-же время отвлечь ее отъ матери въ сторону. Въ другой разъ мы были уже двухнедѣльными цыплятами, когда надъ нами появился вдругъ коршунъ. Съ пискомъ онъ спустился на насъ стрѣлой и готовъ уже былъ схватить одного изъ насъ, какъ мать намъ крикнула:—

— Спасайтесь, дѣтки! Разбѣгайтесь въ разныя стороны, насколько хватить вашихъ силъ!

Мы тотчасъ-же бросились въ разсыпную и попрятались въ траву такъ, что коршунъ уже не могъ отличить насъ отъ земли и улетѣлъ ни съ чѣмъ.

Мы всегда живемъ дружно и ходимъ стайками въ двѣ или три семьи, штукъ по пятнадцати и даже по двадцати. Мы всегда стараемся держаться въ поросшихъ кустами ложбинкахъ и въ нашей стайкѣ всегда бываетъ весело, такъ какъ мы безхитростно наслаждаемся жизнью, для которой создалъ насъ Господь. Нашъ домъ всегда находился у опушки лѣса и мы грѣлись на солнышкѣ и любовались на его восходъ и закатъ. Здѣсь мы въ первое время и кормились. Но среди лѣта отецъ и мать перевели насъ на засѣянные поля. Было жарко и спѣлыя зерна высыпались изъ колосьевъ и падали прямо на землю. Мы подбирали ихъ и наполняли ими себѣ зобы. Но для того, чтобы переварить такія твердыя зерна, намъ нужно было много воды и мы должны были часто пить. Стояло жаркое лѣто, уже нѣсколько недѣль не было дождя и мы сильно страдали отъ жажды.

— Пить, пить! пищали мы. — Мама, мы хотимъ пить!

Мать и отецъ тоже страдали отъ жажды, но, глядя на насъ, стали беспокоиться, какъ-бы мы не умерли или не заболѣли, и стали между собою совѣщаться.

— Что-же теперь дѣлать? сказалъ отецъ.—Надо идти искать воды!

— Но вѣдь куропатки не уходятъ далеко отъ своихъ родныхъ мѣстъ! возразила ему мать.

— Не погибать-же здѣсь намъ отъ жажды!

И мы потянулись искать воды. Впереди насъ шель нашъ отецъ, за нимъ слѣдовали мы, а позади всѣхъ насъ плелась наша мать. Мы изнемогли отъ жажды. Я шла съ разинутымъ ртомъ и мнѣ казалось, что вотъ-вотъ я умру. Солнце жгло невыносимо. По временамъ отецъ останавливался, широко растопыривалъ крылья, и мы всѣ подлѣзали подъ нихъ и укрывались отъ солнца. Отдохнувъ немного, мы снова отправлялись въ путь и жалобно пищали:—

— Пить, пить, пить!..

Но вода находилась, повидимому, очень далеко. Часто сталъ присаживаться теперь и отецъ и мы, цыплятки, садились тогда уже не подъ него, а въ кучку, хвостъ къ хвосту и закрывали глаза.

— Когда-же наконецъ кончится эта засуха? вздыхала наша мать.— Вѣдь мы, куропатки, любимъ пить и не можемъ безъ воды!..

— Скоро, скоро!.. подбодрялъ ее отецъ.

Мы снимались съ мѣста и печально отправлялись въ дальнѣйшій путь.

Идя такъ, мы вдругъ услышали чей-то жалобный пискъ.

— Кто-бы это могъ быть? сказала наша мать.

Отець прислушался.

— Это маленькія куропатки! ска- залъ онъ.

И дѣйствительно, мы скоро уви- дѣли двухъ маленькихъ цыплятокъ, которые сидѣли на землѣ съ закры- тыми глазами и пищали.

— Гдѣ ваши мать и отецъ? спро- силъ ихъ нашъ отецъ.—Что вы здѣсь сидите одни? Вѣдь васъ ута- щить коршунъ и съѣсть.

— Наши родители умерли отъ жажды, и мы остались одни, отвѣти- ли цыплятки.—Мы хотимъ пить и не знаемъ, куда идти.

Куропатки никогда не оставляютъ сиротъ однихъ, и если у какого-ни- будь цыпленка умираетъ или поги- баетъ мать, то его всегда усынов- ляетъ какая-нибудь другая семья. Поэтому наша мать обласкала ихъ и сказала:—

— Теперь вы—наши дѣти. При- соединяйтесь къ намъ и пойдете вмѣстѣ!

И насъ стало у матери девять.

Но намъ такъ и не пришлось дой- ти до рѣки. Появились тучи. За- сверкала молнія, загремѣлъ громъ и пролился такой дождь, что всѣ ка- навки и ручейки наполнились водой. Теперь мы ликовали. Мы жадно ста- ли пить воду, ожили, воспрянули ду- хомъ и потянулись обратно въ свои родныя мѣста. Съ какой радостью встрѣтила насъ наша стая, оста- вавшаяся дома! Особенно обрадова-

лась намъ наша старая знакомая ку- ропатка Горбунья. Она считалась среди насъ опытной, мудрой и лов- кой, хотя и не отличалась внѣшней красотой. Въ былыя времена, когда она была еще молодой, какой-то охотникъ ранилъ ее въ крыло, и съ тѣхъ поръ она горбилась и была неуклюжей. Передъ тѣмъ, какъ ле- тѣтъ, она заботливо оглядывалась по сторонамъ и, въ случаѣ опасности, улетала навѣрняка. Иногда она бра- ла меня съ собою и подводила ко входу въ лѣсъ, гдѣ далеко въ глу- бинѣ его, между старыхъ дубовъ, виднѣлся красивенькій домикъ, весь обросшій плющомъ, всегда запертый и, повидимому, необитаемый никѣмъ.

— Бойся всегда ты этого домика! всякій разъ говорила мнѣ Горбунья.—Когда ты увидишь, что изъ его трубы идетъ дымъ и что окна его открыты, то это значитъ, что туда пріѣхали охотники и начнутъ насъ бить.

Я старалась запомнить эти ея сло- ва, такъ какъ считала ее опытной и умной.

Въ другой разъ, я помню, мы очень голодали. Это было зимой. Вся земля была покрыта глубокимъ снѣгомъ, и намъ негдѣ было до- стать себѣ корма. Мы бродили уны- лья, нахохлившись отъ мороза, и не знали, какъ согрѣться и чѣмъ уто- лить свой голодъ. И вдругъ мы уви- дали зайца. Онъ рылъ передними лапами снѣгъ и разбрасывалъ его въ разныя стороны.

— Зайка, что ты дѣлаешь? спросили мы его.

Онъ оглядѣлъ насъ, убѣдился, что мы не причинимъ ему зла, и отвѣтилъ:

— Ищу себѣ корма. Разрою сейчасъ снѣгъ и пощиплю прошлогоднихъ травки и корешковъ!

Мы обрадовались.

— Позволь, зайка, и намъ! сказали мы.

Онъ разгребъ снѣгъ и для насъ, и мы дѣйствительно увидели подъ нимъ зеленую озимь. Съ какимъ наслажденіемъ мы ее пощипали!

Съ тѣхъ поръ мы всегда зимой стали отыскивать вырытыя зайцами въ снѣгу норки и щипать на днѣ ихъ уцѣлѣвшую траву. Спасибо зайцамъ! Они и не воображаютъ, что оказываютъ намъ этимъ незамѣнимую услугу!

Такъ прошли зима, весна, и наступило лѣто. Теперь уже я была взрослая и жила въ своей стаѣ, какъ полноправная куропатка. Всѣ мои братья и сестры были тутъ-же и имѣли свои собственные семьи, только я одна была еще одинока и ожидала своей судьбы.

Однажды утромъ на зарѣ я услышала, что кто-то меня зоветъ:—

— Рябка! Рябка! Проснись! Вставай скорѣе и дѣлай все то, что буду дѣлать и я!

Я открыла глаза и увидела передъ собой Горбунью. На ней отъ страха не было лица.

— Скорѣй! Скорѣй! заторопила она меня.

Я тотчасъ-же послѣдовала за ней, наполовину сонная, и не полетѣла, а быстро побѣжала, какъ мышь, между кочками и пучками травы. Мы подошли къ лѣсу, и я съ ужасомъ увидѣла, что изъ трубы бѣлаго домика, обросшаго плющомъ, шель дымъ, ставни были отворены и на крыльцѣ стояли какіе-то люди съ ружьями за плечами и около нихъ вертѣлись собаки.

— Это охотники! сказала мнѣ Горбунья.—Бѣжимъ скорѣе въ лѣсъ!

Тогда я поняла, что мы должны были спастись, и приготовилась бѣжать. Сердце мое наполнилось страхомъ за другихъ.

— Надо-бы предупредить всѣхъ нашихъ! сказала я.

Но въ это время собаки бросились въ нашу сторону и испугали насъ.

— Прижмись скорѣе къ землѣ! зашептала мнѣ Горбунья.—Не шевелись! Развѣ ты не знаешь, что наше опереніе похоже на цвѣтъ земли? Собаки пробѣгутъ мимо насъ и не замѣтятъ!

Мы прижались къ землѣ, и въ эту самую минуту, всего въ десяти шагахъ отъ насъ, взлетѣлъ на воздухъ молодой тетеревъ и съ крикомъ ужаса метнулся въ сторону. Тотчасъ же раздался выстрѣлъ, насъ окутала дымъ и отъ испуга я закрыла глаза.

— Починъ дороже денегъ! воскликнулъ одинъ изъ охотниковъ.—Для перваго раза хорошо!

И я услышала, какъ бился въ травѣ несчастный, подстрѣленный тетеревъ.

— Пойдемъ скорѣе! шепнула мнѣ Горбунья.—Теперь пора.

Мы побѣжали отъ домика и скрылись въ опушкѣ лѣса. Моя подруга забила въ корневище какого-то стараго куста, я прижалась къ ней, и мы стали глядѣть изъ-за листьевъ на то, что теперь происходило кругомъ. Охотники вышли изъ домика, обложили всю поляну передъ лѣсомъ и началась стрѣльба. При каждомъ выстрѣлѣ я закрывала глаза. А когда я осмѣливалась открыть ихъ вновь, то я могла видѣть, какъ по всей нашей равнинѣ бѣгали съ лаемъ собаки и отыскивали дичь. Охотники слѣдовали за ними и солнце сверкало на ихъ ружьяхъ.

— Мнѣ страшно... прошептала я.

— Мнѣ тоже, отвѣтила Горбунья.—Но сиди и молчи!

И вдругъ что-то упало около насъ, точно свалилось съ дерева, хотя никакого дерева около насъ не было. Мы выглянули изъ нашей засады и увидѣли, что это была куропатка съ пробитой дробью головой. Подбѣжала собака, схватила ее въ зубы и унесла. Это заставило меня задрожать.

— Я не могу здѣсь оставаться, сказала я.—Мнѣ страшно... Вѣдь человѣкъ умнѣе и добрѣе насъ, животныхъ, зачѣмъ же онъ проливаетъ нашу кровь?

Горбунья не отвѣтила и побѣжала къ лѣсу. Я послѣдовала за ней.

— Скорѣй, скорѣй, закричала она.

По прежнему раздавались выстрѣлы и лаяли собаки. Мимо насъ пробѣжали испуганные зайцы, мы видѣли бившихся въ предсмертныхъ судорогахъ куропатокъ и тетеревовъ, прекрасный олень съ большими, испуганными глазами, весь дрожа, остановился около насъ и не зналъ, куда бѣжать. Но моя спутница все время оставалась спокойной.

— Ничего, говорила она,—Богъ намъ поможетъ! Онъ насъ спасетъ! Только-бы добраться поскорѣе до болотца!

И мы наконецъ добрались до него. Мы перешли его въ бродъ и спрятались въ густой травѣ на его островкѣ.

— Теперь мы въ безопасности, сказала Горбунья.—Ни одна собака не можетъ найти птицу, если ее отдѣляетъ отъ нея вода.

Мы просидѣли на этомъ островкѣ до вечера и видѣли, какъ раненныя животныя подбѣгали къ нашему болотцу и утоляли свою жажду. Какой-то заякъ съ перебитой ногой и състрадальческимъ выраженіемъ намордочкѣ подошелъ къ нему и попилъ воды, и мнѣ было такъ его жаль, что я едва могла удержаться отъ слезъ.

Къ вечеру выстрѣлы смолкли.

— Теперь пойдемъ, Рябка, домой! обратилась ко мнѣ Горбунья.—Охота кончилась. Насъ больше не тронетъ никто.

И мы побрели къ себѣ домой. Съ какимъ трепетомъ я пробѣгала мимо знакомаго охотничьяго домика и съ какимъ нетерпѣніемъ возвращалась въ свои родныя мѣста! Но мнѣ такъ и не удалось увидѣть хотя бы кого-нибудь изъ своихъ родныхъ. Всѣ они были перебиты и я осталась одна сиротой.

— Куда теперь идти? спросила я Горбунью.—Что дѣлать? Что предпринять?

Горбунья посмотрѣла на меня и поманила меня къ себѣ.

— Сядь сюда, обратилась она ко мнѣ.— Прижмись ко мнѣ плотнѣе. Ты устала и тебѣ надо отдохнуть!

Я подошла къ ней, она укрыла меня крыломъ, и такъ мы и проспали съ нею вмѣстѣ до утра.

Этой охоты мнѣ не забыть больше никогда.

Наступила затѣмъ осень, нагрязнула за нею зима и въ нашемъ лѣсномъ домикѣ вдругъ какъ-то сразу все перемѣнилось. Вмѣсто охотниковъ въ немъ появилась какая-то женщина съ дѣтьми, которыя весело перекликивались между собою и возили другъ друга на санкахъ. Замычала корова, заблеяли овцы, закудахтали куры. Каждый вечеръ въ домикѣ стали освѣщаться окна и какимъ-то тихимъ, мирнымъ уютомъ вдругъ стало вѣять отъ него вмѣсто прежнихъ страховъ. Знакомые намъ зайки стали близко подбѣгать къ нему, становились на заднія лапки предъ его окнами и просили ѣсть. Дѣтскія

ручки просовывались сквозь форточки и кидали крошки синичкамъ и снигирямъ. Мы были удивлены и не знали, какъ это понять.

— Не бойтесь! крикнулъ намъ знакомый заяцъ.—Теперь этотъ домикъ проданъ какой-то женщиной, которая будетъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ.—Кто любитъ землю и обрабатываетъ ее, тотъ любитъ и все живое на ней. Не бойтесь! Подходите смѣло!

Я, Горбунья, и другія куропатки —мы цѣлой семьей отправились къ домику и подошли къ нему такъ близко, какъ не подходили еще ни разу въ жизни. Въ это время вышла хозяйка съ зерномъ и стала сзывать куръ.

— Цыпъ-цыпъ-цыпъ!

Со всѣхъ сторонъ куры бросились къ ней и стали клевать брошенные ею зерна.

Мы тоже осмѣлились, подошли къ курамъ и стали клевать вмѣстѣ съ ними.

— Это еще что за птицы? воскликнула хозяйка въ удивленіи.—Откуда онѣ?

И обратившись къ сидѣвшему у сарайчика работнику, она продолжала:

— Иванъ Ѳедоровичъ,—погляди-ка, что это за птицы? Пришли къ нашимъ курамъ и стали клевать!

Иванъ Ѳедоровичъ подошелъ къ намъ, взялъ меня къ себѣ на руки и оглядѣлъ меня со всѣхъ сторонъ.

— Это куропатка! сказалъ онъ.—

Не обижайте ихъ и кормите и тогда онѣ станутъ ручными и будутъ вамъ радоваться. Это хорошія, привязчивыя птички!

— Не обижайте ихъ! крикнулъ курамъ пѣтухъ.—Помните, что куропатки нашей-же, куриной, породы! Будемъ жить всѣ въ мирѣ и согласіи!



Въ оттепель.

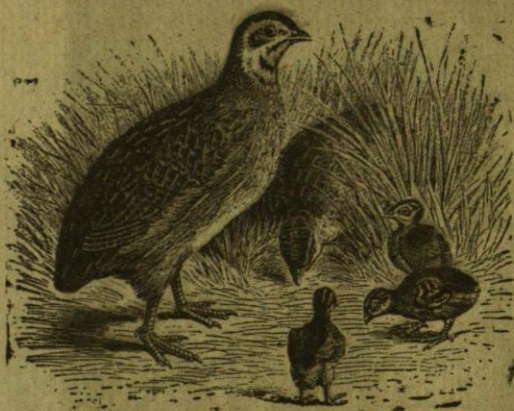
Онъ опустилъ меня на землю и я стала довѣрчиво клевать. Когда мы всѣ наѣлись, то насъ пустили въ курятникъ и оставили тамъ вмѣстѣ съ курами однѣхъ.

И стали мы жить вмѣстѣ съ курами и прожили такъ до весны. А когда растаялъ снѣгъ, побѣжали съ горъ ручьи и прилетѣли скворцы, то хозяйка явилась къ намъ и



Большая, стирка.

выгнала насъ всѣхъ изъ курятника.



— Летите! обратилась она къ намъ. — Бѣгите на волю! Уже весна! Вся тварь радуется и славить

Бога! Отправляйтесь къ себѣ домой!

Мы поблагодарили ее за пріютъ и ласку и кучкой заковыляли къ себѣ на опушку лѣса.

А въ это время Иванъ Федоровичъ сидѣлъ у себя на порожкѣ и громко читалъ вслухъ:

«Настанетъ время, когда левъ будетъ спать рядомъ съ ягненкомъ и мечи будутъ перекованы въ плуги и бороны. И все это сдѣлають человѣческая доброта и любовь ко всему живому. Какъ отъ человѣка, такъ и до скота,—ибо всякое дыханіе чувствуетъ, сознаетъ и хвалить Бога».

С. Вершининъ.

ТРУСИХА.

На одной изъ дачъ около станціи желѣзной дороги воры забрались въ погребъ и стащили не только мясо и закуски, но даже кислую капусту и кадку огурцовъ. Такая ихъ смѣлость всполошила всѣхъ и повсюду только и говорили, что теперь надо все запирать на замки.

Больше всѣхъ боялась няня Аграфена Наумовна. Едва только наступала ночь, какъ она сама стала обходить всѣ двери и оглядывать всѣ закоулки въ усадьбѣ, не притаился ли гдѣ-нибудь воръ.

Когда она ложилась спать, то крестила всѣ окна и двери и отъ страха заглядывала къ себѣ подъ кровать.

— Ахъ, няня, говорила ей мама, приходя по вечерамъ въ дѣтскую, чтобы благословить маленькую Валю,—какая у тебя здѣсь духота! Ты бы отворила на ночь окно!

— Что вы, что вы, барыня?—пугалась няня.—Не ровень часъ, и жулики залѣзутъ.

— Это на второй-то этажъ?

— Да хоть на третій! Развѣ имъ, безбожникамъ, помѣшаешь?

Мама улыбалась и, ничего не возражая, уходила изъ дѣтской.

Пріѣзжали изъ сосѣдней усадьбы отъ Полянскихъ и очень просили, чтобы мама, папа и Валя непременно пріѣхали на именины на цѣлый день. А такъ какъ у нихъ будетъ много гостей, а мамина кухарка Акулина очень хорошо печетъ пироги, то просили прислать пораньше и Акулину. Было неловко отказать Полянскимъ, да и самимъ хотѣлось побывать въ гостяхъ, а потому, отправивъ Акулину пѣшкомъ, папа приказалъ запретъ экипажъ и усѣлся въ него вмѣстѣ съ мамой и Валей.

На нянѣ не было лица.

— А какъ-же я останусь одна? спросила она, когда кучеръ Иванъ готовъ былъ уже дернуть вожжами.

— Ничего, отвѣтилъ ей папа.— Мы вернемся часамъ къ двѣнадцати ночи, а ты, няня, пригласи къ себѣ скотницу Пелагею и посиди съ нею вмѣстѣ до нашего пріѣзда. А то просто ложись себѣ спать! Можешь пригласить къ себѣ также и пастуха Максима!

Няня печально улыбнулась.

— Уснешь тутъ! отвѣтила она.— Акулину услали, Ивана берете съ собою, а скотница Пелагея съ утра лежитъ больная, мается съ животомъ.

— Ну, ничего! сказалъ папа.— Какъ-нибудь обойдешься! Нельзя-же, няня, въ самамъ дѣлѣ быть такой трусихой!

Валѣ стало жаль свою няню. Она соскочила съ экипажа и еще разъ бросилась къ нянѣ.

— До свиданія, нянечка! Прощай! сказала она.— Не скучай безъ насъ! Мы скоро пріѣдемъ.

Она еще разъ обняла няню и снова прыгнула въ экипажъ. Иванъ хлестнулъ вожжами и лошади снялись съ мѣста и, бреча бубенчиками, побѣжали со двора.

— Да, не думай тутъ много, ворчала няня, глядя имъ вслѣдъ.— Легко сказать, когда на весь домъ тебя оставляютъ одну! Кругомъ на пять верстъ ни души, а пріѣдутъ домой опять часамъ къ четыремъ утра!.. Не думай, не думай!.. Имъ-то хорошо тамъ будетъ на людяхъ танцевать, а каково-то мнѣ здѣсь одной въ мои шестьдесятъ шесть лѣтъ?

Она зѣвнула, перекрестила ротъ и повернула въ домъ.

— Добро-бы отъ станціи далеко... продолжала она ворчать,— а то всего только шесть верстъ!.. А тамъ, говорятъ, жуликъ на ворѣ сидитъ, мазурикомъ погоняетъ!

И все еще сердясь, она заперла всѣ двери на замокъ, осмотрѣла окна и даже закрыла трубу въ каминѣ.

— Такъ-то будетъ лучше... сказала она.— А то пожалуй еще и черезъ трубу влѣзутъ!

Она поднялась на второй этажъ, сѣла въ дѣтской и стала вязать чулокъ.

Спустилась ночь и сумерки напол-

нили собою пустыя, молчаливыя комнаты и нянѣ сдѣлалось скучно. Она зажгла лампу и поставила ее около себя.

— Хоть-бы ночь проходила скорѣе... подумала она.

Вдругъ раздался стукъ въ нижнюю дверь и заставилъ ее вскопичить.

— Уже! Ломятся въ двери! было первую ея мыслью.

Но, подумавъ немного, она сообразила, что воры не настолько деликатны, чтобы входить черезъ парадное крыльцо, да еще стукомъ предупредить о своемъ приходѣ. Она была на самомъ дѣлѣ гораздо храбрѣе, чѣмъ думала о себѣ, а потому зажгла свѣчу, спустилась внизъ по лѣстницѣ и закричала:

— Кто тамъ?

Со двора послышался чей-то тоненькій голосокъ, болѣе испуганный, чѣмъ способный напугать.

— Не сердитесь, пожалуйста, говорила какая-то дѣвочка,—но я сбилась съ пути и не знаю, гдѣ теперь заночевать.

Няня отворила ей дверь.

— Входи, входи, моя милая! сказала она, обрадовавшись незнакомой дѣвочкѣ, какъ родной.

Дѣвочка вошла. При свѣтѣ свѣчи няня увидѣла, что она была очень блѣдна и худа, дрожала отъ холода и страха и вся была въ лохмотьяхъ.

Она взяла ее за руку и ввела ее наверхъ.

— Отогрѣйся здѣсь, сказала она

ей, указавъ ей на стулъ въ уголку дѣтской.—И что это за погода стала, прости Господи, проворчала она.—Днемъ солнышко жарить такъ, что дышать невозможно, а по ночамъ хоть печи топи!

И когда дѣвочка обогрѣлась и стала съ любопытствомъ озираться по сторонамъ, няня ее спросила:

— Что же ты дѣлала до такой поздней поры, что ночь застала тебя около насъ?

— Я шла въ имѣніе къ Храповицкимъ, отвѣчала она.— Семь верстъ отсюда... Меня туда отдали пасти телятъ и гусей. А была я дома, въ Рождествинѣ, у отца. Меня пускаютъ домой каждое воскресенье...

— Но почему же ты возвращалась такъ поздно?

— Да я возвращалась не поздно, только жарко было идти; я сѣла отдохнуть у стога сѣна, да не знаю и сама, какъ заснула. Просыпаюсь, а ужъ ночь и туманъ стоитъ такой, что ничего изъ-за него и не видно. Я побѣжала въ имѣніе, да сбилась, видно, съ дороги. Иду, иду,—а все мѣста какія-то чужія... Когда-жъ гляжу, а передо мною вашъ домъ; тогда я постучалась...

— Такъ, такъ... отвѣчала няня.— Но почему-же тебя, такую маленькую, отпускаютъ такъ далеко одну?

— Отецъ занятъ, отвѣчала дѣвочка.

— Ну, а мать?

— Матери у меня нѣтъ...

— А братья?

— Братя!.. усмѣхнулась дѣвочка.— Да развѣ-жъ братья могутъ меня провозжать, когда они всѣ четверо еще маленькіе! Старшему Петѣ пошелъ всего только пятый годъ.

— Значить, васъ всѣхъ пятеро? спросила няня.

— Пятеро? удивилась дѣвочка.— Насъ всѣхъ не пятеро, а семеро. Кромѣ меня еще двѣ сестры—Таня и Поля и обѣ меньше меня.

— Ну, а тебя какъ зовутъ?

— Меня? Меня зовутъ Дашей.

— И ты сама зарабатываешь себѣ кусокъ хлѣба?

— Да. Я пасу гусей и телятъ. А когда я вырасту большая, то тятя отвезетъ меня въ городъ и отдастъ тамъ въ горничныя. Я буду получать шесть рублей въ мѣсяць.

Няня нахмурилась и глубоко вздохнула.

— Напрасно..., сказала она.— Избави тебя Господь отъ городской жизни, да еще въ домашнихъ прислугахъ!..

— Почему? спросила Даша.— Вѣдь тамъ легче работа, чѣмъ въ деревнѣ, а жалованья даютъ больше.

— Всѣ вотъ вы такъ думаете, пока города не знаете вовсе, отвѣчала няня,—а вотъ какъ попадете въ него, такъ и мыкаете горе! Впрочемъ, чего ужъ тутъ разговаривать! Ложись-ка спать и спи себѣ на здоровье.

— А вы? Развѣ вы не ляжете спать?

— Нѣтъ, я буду ожидать господь... И она затушила лампу.

Дѣвочка свернулась калачикомъ на сложенномъ вчетверо коврѣ и тотчасъ-же крѣпко заснула.

Положивъ, на столъ свое вязанье, няня оперлась о локоть головой и стала думать. Скоро ея думы смѣшались, расплылись, потеряли свою связность и она стала засыпать. Голова ея свалилась съ локтя и склонилась на плечо, но она вспомнила, что спать нельзя, опасно, и, встряхнувшись, снова взялась за чулокъ и стала его привычными пальцами вязать въ темнотѣ. Но чулокъ скоро вывалился у нея изъ рукъ, она повѣсила голову на грудь, косянка съѣхала у нея съ головы и она сладко захрапѣла.

Какъ вдругъ кто-то на улицѣ, прямо у самага дома, громко чихнулъ.

Няня въ испугѣ вскочила и стала протирать себѣ глаза. Не сонъ-ли это? Кому-бы это такъ громко чихать? Навѣрное, это жулики приготовились взбираться по водосточной трубѣ на крышу, чтобы черезъ слуховое окно пролѣзть въ чердакъ, а изъ чердака уже проникнуть въ домъ.

Сердце у няни похолодѣло и она побѣжала къ окну и стала всматриваться сквозь стекла въ темноту.

—Святъ, святъ, святъ... шептала она и крестилась.—Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его!

Но ночь была темна и на дворѣ не было видно ничего. Затаивъ дыханіе, няня стала прислушиваться и вдругъ до ея слуха явственно до-

неслись чьи-то тяжелые шаги и чей-то слабый, едва слышный голос шепталь:

— Она тамъ наверху одна... Надо зайти съ чернаго крыльца...

И какія-то двѣ тѣни, мужская и женская, направились вдоль дома къ черному крыльцу.

У старушки едва не подкосились ноги.

— Даша! Даша! закричала она, едва узнавъ свой голосъ.—Вставай! Скорѣе! Къ намъ лѣзутъ?

— Кто? Что? вскочила дѣвочка и, ничего не понимая, широко открыла глаза.

— Вставай скорѣе! У насъ воры! Дѣвочка съ недоумѣніемъ продолжала смотрѣть на няню.

— Да гдѣ, какіе воры? спросила она наконецъ.

Няня съ отчаяніемъ махнула на нее рукой.

— Да понимаешь-ли ты, дура, сказала она,—что я во всемъ домѣ одна, а къ намъ лѣзутъ воры! Они сейчасъ войдутъ въ домъ! Бѣжимъ поскорѣе!

Дѣвочка, наконецъ, поняла и поблѣднѣла отъ страха. Все ея маленькое тѣльце задрожало. Она снова упала къ себѣ на коверъ.

— Я никуда не пойду... сказала она.—Я боюсь!

Но полежавъ двѣ или три секунды, она вдругъ вскочила и глаза ея засверкали рѣшимостью.

— Знаете, что, тетенька? сказала она.—Гдѣ у васъ спички?.. Давайте сейчасъ зажжемъ всѣ лампы и свѣчи

во всѣхъ комнатахъ, и внизу, и наверху! Воры подумаютъ, что у насъ балъ, что мы не однѣ, испугаются и убѣгутъ!

Няня посмотрѣла на нее съ удивленіемъ и не знала, какъ ее и благодарить за ея изобрѣтательность. Какъ это она сама не догадалась сдѣлать это раньше? Вѣдь если-бы она освѣтила весь домъ тотчасъ-же, какъ уѣхали ея господа, то воры не посмѣли-бы теперь придти въ усадьбу и ходить около дома и громко чихать.

И она зажгла ошупью свѣчу и, давши одну коробку спичекъ Дашѣ, а сама вооружившись другой, стала перебѣгать отъ лампы къ лампѣ и отъ свѣчи къ свѣчѣ и зажигала всюду огни.

— Скорѣй! Скорѣй! торопила она Дашу.

Онѣ зажгли всѣ лампы, затѣмъ няня поставила на обѣденный столъ табуретку, влѣзла на нее и зажгла двѣ люстры, сначала въ столовой, а потомъ въ гостиной, всѣ канделябры въ простѣнкахъ между окошками—и весь домъ освѣтился такъ, какъ не освѣщался уже давнымъ давно, еще съ крѣпостныхъ временъ.

А въ это время внизу вокругъ дома ходили скотница Пелагея и пастухъ Максимъ, который ежеминутно не въ мѣру нюхалъ табакъ и чихалъ. Они вспомнили о старушкѣ-нянѣ, пожалѣли ее, что она одна, и рѣшили ее навѣстить и, если она боится, то провести съ нею и всю ночь.

— Ну, ладно, Пелагея... говорил Максимъ.—Пойдемъ теперь домой. Засвѣтили всюду огни, значитъ, вернулись изъ гостей господа. Нянькѣ теперь уже не будетъ страшно одной. Апчхи! обойдется и безъ насъ... Апчхи!

— Да, пойдемъ домой! отвѣчала, держась обѣими руками за больной животъ, Пелагея.—Чего ужъ тутъ? И впрямь должно быть прѣехали господа... Цѣлые полчаса ходимъ вокругъ дома, а старухи-то и не слышать. Должно, и впрямь не боится вовсе...

А няня и Даша въ это время стояли въ уголку въ гостиной, слышали это чиханье и голоса и дрожали отъ страха. Набравшись затѣмъ храбрости, няня подошла къ окошку и поглядѣла въ него. Сквозь темноту она увидѣла скотницу Пелагею и пастуха Максима, возвращавшихся назадъ, не узнала ихъ и три раза перекрестилась.

— Ну, слава Богу! сказала она и съ облегченіемъ вздохнула.—Увидали наши огни, испугались и, не солоно хлебавши, ушли!.. Навѣрное, подумали, что у насъ сейчасъ гости и что будутъ сейчасъ танцевать...

Часъ спустя, господа вернулись съ именинъ домой. Подъѣзжая къ усадьбѣ, они еще издали увидѣли весь домъ въ огняхъ, сильно напугали зрѣніе, чтобы лучше разглядѣть и понять, да такъ ничего и не поняли. Весь домъ былъ ярко освѣщенъ, но въ его окнахъ не виднѣ-

лось ни единой живой души и казалось, что всѣ огни въ домѣ зажглись сами собою по мановенію волшебнаго жезла.

— Что бы это значило? все время задавалъ папа мамѣ вопросъ.

А мама и сама не понимала, въ чемъ дѣло, и тоже задавала себѣ вопросы, которые не могла разрѣшить.

Наконецъ экипажъ подкатилъ къ ярко освѣщенному крыльцу, папа, мама и Валя соскочили съ него и хотѣли было звонить, но дверь оказалась не запертой вовсе. Впуская къ себѣ Дашу, няня забыла ее запереть. Они бѣгомъ вбѣжали по лѣстницѣ, не раздвѣваясь вошли въ гостиную и, къ удивленію своему, увидели умильную картину.

На большомъ плюшевомъ креслѣ, вся освѣщенная яркими огнями, сидѣла няня и сладко спала. У нея на колѣняхъ лежала Даша и громко похрапывала.

— Няня! бросилась къ ней мама.—Что такое? Проснись! Что все это значить?

Няня открыла глаза, подняла голову и, увидѣвъ своихъ, легко вздохнула.

— Наконецъ-то... сказала она.— А я безъ васъ чуть не померла отъ страха.

— Да говори скорѣе, зачѣмъ всѣ эти огни? воскликнулъ папа.—Что все это значить?

— А то значить, отвѣтила няня, опуская на полъ все еще дремав-



Испытаніе прочности моста.

шую Дашу,—что если-бы не эти огни, то тутъ случилась-бы цѣлая бѣда! Я спасла весь вашъ домъ...

— Цѣлая бѣда... Спасла весь домъ... забормоталъ папа.—Да объясни ты намъ все толкомъ!

— А эта дѣвочка?—воскликнула Валя.—Какая славенькая! Откуда ты ее взяла?



своимъ господамъ о томъ, какъ ночью на нее напали разбойники и какъ она набралась много страху, у нея ничего изъ этого не вышло, и весь ея рассказъ сосредоточился только

— Это бѣдная сирота,—важно отвѣчала няня,—и не будь ея здѣсь, такъ вся ваша усадьба была-бы разграблена, а я была бы уже на томъ свѣтѣ...

Папа взялъ няню за руку и усадилъ ее на стулъ.

— Разказывай! сказалъ онъ ей.— Я ровно ничего не понимаю!

Няня начала свой разказъ. Но какъ она ни старалась разказать

на Дашѣ. Она разказала, какъ вдругъ къ ней постучалась эта дѣвочка, какъ она впустила ее къ себѣ и какъ узнала отъ нея о ея прошедшемъ и настоящемъ и о возмож-

608637

номъ будущемъ, которое могло ожидать ее въ городѣ.

— Нѣтъ, батюшка-баринъ, заключила няня свой рассказъ,—какъ ты хочешь, а я ни за что не отпущу эту дѣвочку обратно: она спасла мнѣ жизнь. Пусть она останется у насъ совсѣмъ и живетъ вмѣстѣ съ нами, а что дальше будетъ,—тамъ ужъ увидимъ. Да и Валечкѣ будетъ вольготнѣе: будетъ съ кѣмъ поиграть, а то все одна да одна.

Было уже два часа ночи. Папа и мама сидѣли въ гостиной и слушали, какъ няня мечтала о будущемъ Даши и имъ самимъ казалось, что все, что предлагала няня, вполне осуществимо и что если они дѣйствительно оставятъ у себя эту сиротку, то сдѣлаютъ этимъ только то, что должны были бы сдѣлать и безъ этого случая съ мнимыми ворами во образѣ Пелагеи и Максима.

И пока они слушали и говорили, дѣвочка спала прямо на полу, а уставшая отъ тревоженій Валя прикорнула на мягкомъ креслѣ и видѣла уже десятый сонъ. Ее взяли на руки, перенесли въ дѣтскую, раздѣли и уложили въ постельку, а дѣвочка такъ и осталась лежать на коврѣ. Только няня подложила ей подъ голову подушку, да покрыла ее своею шалью.

— Спи, сирота! — сказала она. — Господь съ тобою!

На утро няня разбудила Дашу, повела ее умыться, причесала, заставила помолиться Богу и сказала:

— Иди въ столовую! Тебя хочетъ видѣть баринъ!

Даша робко вошла въ столовую и молча остановилась у двери. Баринъ въ халатѣ сидѣлъ у стола и самъ варилъ себѣ кофе. Подъ кофейникомъ пылалъ голубоватый огонекъ.

— Вотъ что, Даша, сказалъ ей баринъ. — Съ нынѣшняго дня ты останешься у меня навсегда. Ты будешь помогать всѣмъ по хозяйству, будешь играть съ Валею и, вообще, будешь, какъ своя. А когда наступитъ осень, ты будешь бѣгать въ школу и постарайся поскорѣе научиться читать и писать. А куда тебя дальше пристроить, мы уже обдумаемъ потомъ. Сколько ты получала жалованья у Храповицкихъ?

— Пятьдесятъ копеекъ въ мѣсяцъ, робко отвѣтила Даша.

Папа улыбнулся.

— Ну, у меня-то тебѣ вовсе не понадобятся деньги, сказалъ онъ,—потому что ты будешь, какъ родная дочь, а твоимъ братишкамъ и сестренкамъ ты будешь каждый мѣсяцъ относить отъ меня по три рубля.

Дѣвочка не вѣрила своимъ ушамъ.

— Ну, что же ты стоишь, какъ деревянная? послышался вдругъ голосъ няни.—Кланяйся барину и скажи «благодарю».

— Благодарю..., еле слышно прошептала Даша и, радостно взвизгнувъ, со всѣхъ ногъ выбѣжала изъ столовой въ садъ.

— Глупая... сказала ей вслѣдъ

няня и покачала головой. — Поди, отъ радости подъ собою ногъ не чуетъ!

И отправившись къ себѣ въ комнату, она отперла свой большой сундукъ, на крышкѣ котораго съ внутренней стороны были наклеены картинки, и стала разбирать въ немъ всякій хламъ.

— Дашуткѣ на платьѣ ищу..., сказала она подошедшей къ ней мамѣ. — Теперь у меня своя внучка есть!

Мама достала портмонэ, вынула изъ него три рубля и сунула его въ руку няни.

— Пошли это, няня, ея отцу! сказала она и вышла изъ комнаты.

Вечеромъ пастухъ Максимъ сидѣлъ у скотницы Пелагеи, пилъ у нея въ прикуску чай и рассказывалъ ей, какъ вокругъ усадьбы прошедшей ночью ходили воры, женщина и мужчина, которые искали черного хода и хотѣли забраться въ домъ.

— Съ нами крестная сила!.. шептала въ страхѣ Пелагея и крестилась. — Это когда же они ходили? Тогда-же, когда и мы, или послѣ?

— А ужъ этого я, матушка, не знаю, — отвѣчалъ ей Максимъ. — Это точно, что мы съ тобой няньку хотѣли провѣдать и искали къ ней черного хода, а только нянька сказываетъ, что будто ходили настоящіе воры, которые, будто, влѣзли на крышу и хотѣли уже забраться на чердакъ.

— Хорошо, что мы-то съ тобой во-время ушли..., сказала Пелагея. — А то досталось-бы отъ воровъ и намъ!

— Да... — протянулъ Максимъ. — Нянька говоритъ, что воры все время чихали... Должно, они тоже нюхаютъ табакъ...

И, громко кусая сахаръ, Максимъ налилъ себѣ седьмую чашку чаю и сталъ пить.

М. Б—скій.

ЗИМНІЙ СОНЪ.

Звѣздочки съ неба слетаютъ.

Озеро спитъ подо льдомъ.

Лугъ и лѣса засыпаютъ,

Скрытые бѣлымъ ковромъ.

Искрится снѣгъ огоньками,

Лѣсъ отъ мороза трещить,

Спятъ всѣ поля подъ снѣгами,

Иней на вѣткахъ блестить.

Спятъ погруженные въ грезы,

Сбросивъ свой лѣтній нарядъ,

Тополи, липы, березы...

Спитъ безмятежно и садъ; —

Спитъ молчаливый, угрюмый,

Рѣдко лишь вздрогнетъ отъ сна,

Точно охваченный думой:

«Скоро-ль вернется весна?»

О. Л.

П Р И Е М Ы Ш Ъ.

Повѣсть.

(Продолженіе).

Въ столовой раздавались голоса Сергѣя Андреевича и Аркашеньки, изъ парка доносились восклицанія дѣтей, а Женя все еще сидѣла въ библіотекѣ, никакъ не могла придти въ себя и, ухватившись рукою за грудь, старалась овладѣть собою и успокоиться. Ей было горько, что Сергѣй Андреевичъ заподозрилъ ее въ томъ, будто она читала запрещенныя ей книги, и досадно на себя, что она оставила записку покойнаго инженера Кирсанова на прежнемъ мѣстѣ.

— Ахъ, какая я дура! шептала она.—Зачѣмъ я смолчала? Зачѣмъ не рассказала дядѣ обо всемъ?

Но моментъ былъ уже упущенъ и Женѣ поневолѣ приходилось считаться съ тѣмъ, что произошло.

Скучно прошелъ завтракъ, еще скучнѣе прошелъ обѣдъ и наступилъ наконецъ вечеръ. Женя была все время, какъ на иголкахъ. Задулъ вѣтеръ, зашумѣли деревья и пошелъ дождь. Его капли, какъ слезы, потекли по стекламъ оконъ, стало вдругъ холодно и сыро и сдѣлалось такъ скучно и тоскливо, что хотѣлось плакать.

— Должно быть, завернуть холода..., сказалъ Сергѣй Андреевичъ.

— Да, отвѣтилъ Аркашенька,— по всему можно судить, что лѣто будетъ неудачное.

Весь вечеръ прислушивались къ шуму вѣтра и молчали. Это молчаніе надрывало Женѣ душу. Какъ гостепріимный хозяинъ, Сергѣй Андреевичъ все время проводилъ около своего гостя, хотя для Жени и было ясно, что онъ не радъ былъ его вторженію въ его семью. Нина Петровна совсѣмъ не выходила изъ своего будуара, дѣти сидѣли въ стонкѣ кучкой. Все время Женя ждала случая, чтобы обо всемъ поговорить съ Сергѣемъ Андреевичемъ, но онъ сердился на нее, не отвѣчалъ на ея вопросы и дѣлалъ видъ, что ея не слышитъ. Давно уже пробило девять часовъ вечера, а она все ждала и ждала подходящей минуты, покорно ожидала, когда гость наконецъ простится и уйдетъ къ себѣ, но онъ и не думалъ подниматься. Дѣти давно уже ушли спать, а она одна сидѣла съ большими у стола и, чтобы обратить на себя вниманіе Сергѣя Андреевича, заглядывала въ его пасьянсъ и вставляла свои замѣчанія.

— Пора уже тебѣ, Женя, спать! вдругъ строго сказалъ ей Сергѣй Андреевичъ.—Уже десятый часъ!

Она вздрогнула, вспыхнула и поднялась съ мѣста.

— Спокойной ночи, дядя! сказала она упавшимъ, сконфуженнымъ голосомъ и, сдѣлавъ гостю реверансъ, направилась къ двери.

Неужели-же она такъ и уйдетъ, ничего не сообщивъ Сергѣю Андреевичу? Это надрывало ей душу. Выйдя въ корридоръ, она остановилась въ тѣни и стала ждать: авось выйдетъ наконецъ Сергѣй Андреевичъ, и она успѣетъ шепнуть ему два слова, изъ которыхъ онъ пойметъ все; но онъ не вышелъ и все пропало. И вдругъ до нея донеслись слова Аркашеньки:—

— Нѣтъ-ли у васъ чего-нибудь почитать? спросилъ онъ у Сергѣя Андреевича.—Я не могу уснуть, не прочитавши чего-нибудь на ночь.

— Къ вашимъ услугамъ здѣсь цѣлая библіотека, съ готовностью отвѣтилъ Сергѣй Андреевичъ.

— А нѣтъ-ли у васъ книги «Притчи святыхъ отцовъ Восточной церкви»? Хотѣлось-бы мнѣ ее почитать. Говорятъ, очень интересная книга.

— Какъ вы назвали?

— «Притчи святыхъ отцовъ Восточной церкви»...

— Должно быть, есть... отвѣтилъ неохотно хозяинъ дома и повелъ гостя въ библіотеку.—Пойдемте, я поищу въ каталогѣ и вамъ выдамъ.

У Жени подкосились ноги и позеленѣло въ глазахъ. Она слышала, какъ Сергѣй Андреевичъ забрен-

чалъ ключами и шелкнулъ замкомъ и, не помня себя, бросилась къ дверямъ Нины Петровны, чтобы обо всемъ ее предупредить. Но двери были заперты, она постучалась въ нихъ, окликнула Нину Петровну, но не получила отвѣта и опустивъ голову, печально побрела къ себѣ въ комнагу.

— Теперь ужъ кончено! прошептала она.—Теперь ужъ все пропало!

Она слышала, какъ Сергѣй Андреевичъ прошелъ къ себѣ въ спальную, а Аркашенька—въ комнату для пріѣзжихъ—и весь домъ погружился въ тишину. Слышно было только, какъ шумѣли деревья, да какъ дождь хлесталъ каплями по стекламъ. Женя раздѣлась, упала лицомъ въ подушку и стала горько плакать. Наплакавшись до сыта, она приподнялась и сѣла на край кровати. Нѣтъ! Она никогда не допуститъ, чтобы этотъ чужой человѣкъ взялъ себѣ все и чтобы ея близкіе остались ни съ чѣмъ и уѣхали отсюда, какъ изгнанныя птицы изъ наситеннаго гнѣзда! Она употребитъ всѣ свои силы, чтобы выручить ихъ изъ нависшей бѣды и отправится сейчасъ въ кабинетъ, и продежуритъ тамъ всю ночь, и если Аркадій явится туда, то она будетъ кричать и подыметъ на ноги весь домъ.

И она накинула на себя подвернувшуюся подъ руки накидку и тихонько, чуть слышно, направилась изъ своей комнаты въ кабинетъ.

Боже мой, какъ страшно; вѣтеръ

гудить, деревья шумять, во всемъ домѣ тишина и темнота и только слышно, какъ пробило въ столовой одинадцать часовъ и какъ гдѣ-то, должно быть, въ дѣвичьей имъ отвѣтили тоненькимъ боемъ другіе часы. Хоть-бы съ Женей была сейчасъ ея няня Наталья Кирилловна или наконецъ, Прасковья! Но няня сейчасъ далеко, а Прасковья послѣ дневныхъ хлопотъ такъ крѣпко спитъ, что ее не разбудить и пушечнымъ выстрѣломъ.

Вся дрожа, сжимая завѣтный ключъ въ кулачкѣ, Женя прошла черезъ коридоръ, гостинную и вошла въ кабинетъ.

— Господи, шептала она,—помоги мнѣ, поддержи меня! Дай мнѣ побольше силъ! Дай, чтобы я сейчасъ была большая!

Въ кабинетѣ темно. Освоившись съ темнотой, Женя скоро различило письменный столъ, кресла, диванъ, статуэтки. Вонъ и та картина, на которой нарисованы фрукты и цвѣты... За ней таинственный кладъ.

Въ волненіи она опустила на ближайшее кресло, схватилась рукою за грудь и стала ожидать.

По-прежнему дождь хлесталъ каплями по стекламъ, и было такъ страшно и уныло, что Женѣ хотѣлось плакать и въ то-же время у нея не было слезъ. Вотъ уже третьи сутки, какъ она вышла навстрѣчу событіямъ одна безъ всякой поторонней помощи и волнуется такъ, что нервы ея напря-

жены, какъ струны, и сердце бьется такъ, что больно въ груди.

И вдругъ гдѣ-то около комнаты для пріѣзжихъ послышался какой-то странный звукъ Женя услышала, какъ заскрипѣла дверь и какъ затрещали половицы подъ тяжестью чьихъ-то ногъ. Затѣмъ все смолкло дѣвочка притаилась и стала ожидать.

Звуки скоро возобновились. Кто-то опредѣленно и настойчиво шелькъ кабинету, по временамъ останавливался, повидимому прислушиваясь, и затѣмъ снова продолжалъ свой путь.

Женя сошла съ своего кресла, тихонько подползла къ портьерѣ и заглянула въ коридоръ. Тамъ было темно. Она притаилась и стала слушать.

Какъ вдругъ въ коридорѣ вспыхнулъ огонь. Онъ освѣтилъ чью-то фигуру. Кто-то, одѣтый въ черное, нахлобучивъ шляпу на глаза, чтобы его не узнали, стоялъ почти у самой двери кабинета. Чтобы найти въ темнотѣ ходъ и чего-нибудь по дорогѣ не уронить, этотъ кто-то вытащилъ изъ-подъ полы карманный фонарикъ, снялъ съ него заслонку и освѣтилъ имъ на секунду коридоръ. При свѣтѣ фонарика Женя узнала Аркадія.

Она испугалась и ухватилась за портьеру. Портьера заколебалась и стоявшая около нея палка Сергѣя Андреевича, съ которой онъ всегда выходилъ въ поле и въ паркъ, по-

шатнулась и, потерявъ равновѣсіе, упала и громко стукнулась объ полъ.

Повидимому, Аркадій испугался этого стука, потому что тотчасъ-же погасилъ свой фонарь и повернулъ назадъ. Минуту спустя, Женя услышала, какъ онъ снова вошелъ къ себѣ въ комнату и заперъ за собою дверь.

— «Что же теперь дѣлать?» подумала Женя.— «Какъ теперь быть? Развѣ поднять на ноги весь дѣмъ, закричать, сдѣлать тревогу?»

И вдругъ смѣлая мысль пришла ей въ голову. Что, если она сейчасъ сама сниметъ со стѣны эту картину съ фруктами и цвѣтами и попытается отпереть несгораемый шкафъ? Успѣетъ-ли она сдѣлать это до вторичнаго прихода Аркадія? Хватитъ-ли у нея силъ?

И не помня себя, слыша только, какъ у нея билось сердце и стучало въ вискахъ, она подошла къ стѣнѣ, встала на стулъ и протянула руки къ картинѣ...

— Боженька, помоги мнѣ... прошептала она.— Дай, чтобы онъ сюда не вошелъ!

Картина оказалась не особенно тяжелой. Женя сняла ее съ гвоздя и тихонько спустила на полъ. Затѣмъ она потрогала рукою стѣну. Дѣйствительно, за картиной въ стѣнѣ что-то было пустое, ПОТОМУ

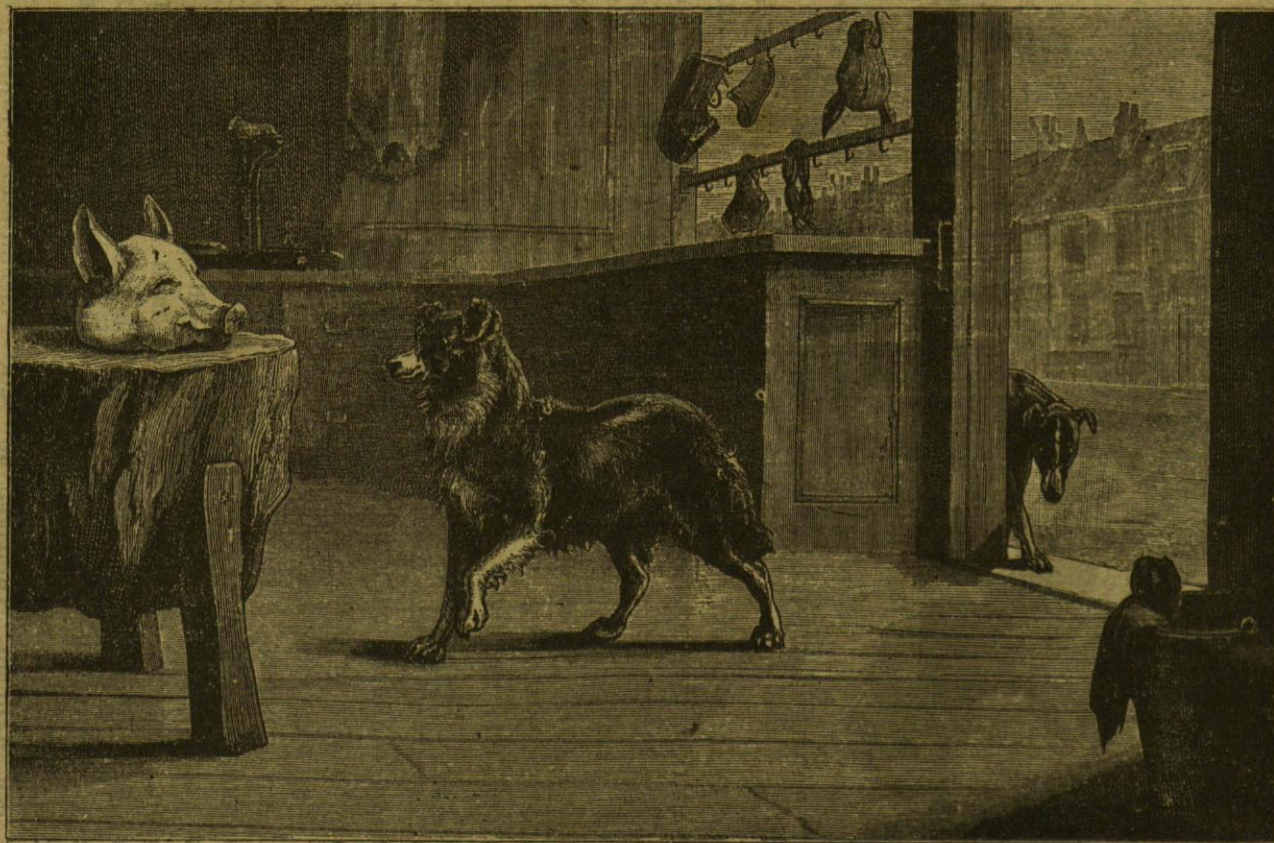
что загудѣло подъ прикосновеніемъ ея пальцевъ. Значитъ, все, о чемъ было написано въ запискѣ, дѣйствительно было на самомъ дѣлѣ и не составляло для нея тяжелаго сна. Она нашарила въ стѣнѣ отверстіе для ключа, трепетной рукою вставила въ него ключъ, повернула и рѣшительнымъ движеніемъ потянула дверцу шкапа на себя.

Передъ нею въ стѣнѣ оказалась пустота. Она засунула въ нее руку и что-то мягкое, хрустящее попало ей подъ пальцы. Она ощупала попавшійся ей подъ руку предметъ и это оказалось письмомъ. На немъ было пять сургучныхъ печатей, какъ это всегда бываетъ на пакетахъ, въ которыхъ пересылаются деньги или желаютъ сохранить какой-нибудь важный документъ.

Быстрымъ движеніемъ Женя за-



Портъера заколебалась и палка упала и громко стукнулась объ полъ.



Искушение.

хлопнула дверцу отъ несгораемаго шкафа, вытащила ключъ, повѣсила на прежнее мѣсто картину, сирыгнула со стула и крѣпко держа въ своихъ рукахъ драгоценный пакетъ, направилась къ себѣ въ дѣтскую. Но когда она проходила черезъ гостиную, теперъ, когда дѣло было уже сдѣлано и нечего было уже опасаться за семью, она почувствовала наконецъ, что силы оставляютъ ее, что ея нервы не могутъ уже больше выдерживать всю силу напряженія событій и что если она не доберется сейчасъ до кресла или до софы, то лишится чувствъ и упадетъ прямо на коверъ. Но она овладѣла собою и на этотъ разъ, кое-какъ добрела до дивана и, какъ была, въ накидкѣ и въ туфляхъ, упала на него и лишилась чувствъ.

Утромъ Прасковья пришла въ комнату къ Женѣ, чтобы взять для чистки ея платье и башмаки. Не найдя ее въ постели и въ то-же время видя нетронутую всю ея одежду, она очень удивилась.

«Сказать-бы встала рано и гулять пошла»... подумала она.—«Такъ нѣтъ! Башмаки и платье тутъ. Что за диковина?»

И, полная тревоги, она вышла изъ комнаты. Проходя по корридору, она вдругъ встрѣтила садовника, который по обыкновенію принесъ изъ оранжереи свѣжіе цвѣты. Онъ стоялъ у двери гостиной и почему-то замахалъ ей рукой.

— Прасковья! зашепталъ онъ такъ

громко, что его шепотъ можно было-бы услышать даже на заднемъ дворѣ.—Да что ты оглохла, что-ли? Иди сюда скорѣй!

Онъ говорилъ это съ такимъ страннымъ выраженіемъ лица, что Прасковья испугалась и бросилась къ нему со всѣхъ ногъ.

— Наша барышня лежитъ въ гостиной на диванѣ, снова зашепталъ онъ,—и блѣдная, какъ смерть. Ужъ жива-ли она?

Прасковья взглянула въ гостиную, да такъ и обомлѣла. На диванѣ, почти голенькая, лежала Женя. Она была блѣдна и, отъ проникавшаго сквозь желтыя драпировки на ок-



На пакетъ было пять сургучныхъ печатей.

нахъ свѣта, была похожа на покойницу.

Прасковья схватилась ладонями за обѣ щеки и завывала на весь домъ:—

— Ай, вы батюшки! Ой, вы матушки! Да какъ-же это я, куриная слѣпота, проглядѣла нашу барышню! Что-же мнѣ теперь горемычной дѣлать? Какъ мнѣ быть? Пропала моя головушка бѣдная!

Да замолчи ты! топнулъ на нее ногой садовникъ.—Воетъ, какъ оглашенная! Вѣдь ты разбудишь весь домъ. Пошла отсюда прочь, ежели не умѣешь держать себя въ благородныхъ домахъ!

Она испугалась и сразу же смолкла. Только слезы катились у нея изъ глазъ.

— Пойди разбуди барыню! приказалъ онъ ей.—Да чтобы во всемъ домѣ никто не зналъ, что случилось! А то вы всѣ мастерицы брехать!

— Не буду, батюшка, не буду! залепетала Прасковья и побѣжала къ Нинѣ Петровнѣ.

А садовникъ отправился къ спальнѣ Сергѣя Андреевича и тихонько постучался къ нему въ дверь.

— Кто тамъ? отозвался Сергѣй Андреевичъ.

— Осмѣлюсь доложить вамъ, баринъ, отвѣтилъ садовникъ,—что у насъ въ домѣ не все благополучно.

— Что такое?

— Барышня Евгенія Александровна очень нездорова-съ... Да къ то-

му-же въ вашемъ кабинетѣ что-то не тово-съ!...

— Хорошо, я сейчасъ выйду!

Три минуты спустя, Сергѣй Андреевичъ и Нина Петровна были уже около Жени. Осмотрѣвъ ее со всѣхъ сторонъ, они убѣдились, что она была жива и только была почему-то очень больна и рѣдко дышала, очень удивились, что нашли ее въ такомъ видѣ и въ гостиной, и не стали ее будить.

— Выйдемъ отсюда! сказалъ Сергѣй Андреевичъ.—Пусть она спитъ и проснется затѣмъ сама! Это бываетъ съ дѣтьми! Они часто ходятъ во снѣ. Воображаю, какъ она удивится сама, когда проснется въ гостиной!

— Не послать-ли за докторомъ?.. спросила Нина Петровна.

— Нѣтъ, зачѣмъ же? отвѣтилъ Сергѣй Андреевичъ.—Тогда успѣемъ! Развѣ ты не видишь, какъ она сладко и крѣпко спитъ!

Садовникъ стоялъ тутъ же, многозначительно покашливалъ и, по видимому, былъ другого мнѣнія. Очевидно, онъ что-то зналъ.

Женю затворили со всѣхъ сторонъ въ гостиной, предоставили ей полный покой и на цыпочкахъ отправились каждый къ себѣ.

Въ это же время къ Сергѣю Андреевичу подошла горничная и доложила ему, что гость Аркадій Ивановичъ уѣзжаетъ и желалъ-бы передать свою благодарность за расположение и пріемъ. Было неловко

отпустить гостя одного и потому Сергѣй Андреевичъ быстро одѣлся и вышелъ въ столовую.

Было сѣрое утро, шелъ дождь, въ каминѣ въ столовой трещалъ огонь. Дѣти еще спали и во всемъ домѣ стояла тишина. Гость уже сидѣлъ у стола около кипѣвшаго кофейника, совсѣмъ уже одѣтый въ дорогу, и собирался пить кофе. У крыльца, позвякивая бубенцами, нетерпѣливо топтались его лошади. Въ прихожей стоялъ чемоданъ.

— Позвольте мнѣ поблагодарить васъ за ваше любезное гостепріимство, обратился онъ къ Сергѣю Андреевичу, и поднялся къ нему на встрѣчу.—Очень жалѣю, что не могу лично засвидѣтельствовать свое почтеніе вашей супругѣ. Но время не ждетъ и нужно ѣхать!

Сергѣй Андреевичъ высказалъ обычное въ такихъ случаяхъ сожалѣніе, но въ то-же время и не удерживалъ его. Онъ пожалъ ему руку и, двадцать минутъ спустя, тройка уже мчала Аркадія по грязной дорогѣ на вокзалъ. Сергѣй Андреевичъ легко вздохнулъ по его отъѣздѣ. Точно гора свалилась у него съ плечъ.

Едва только замолкли звонки, какъ къ нему подошелъ садовникъ и почтительно тронулъ его за рукавъ.

— А пожалуйста-ка, баринъ, сюда! сказалъ онъ.

И онъ повелъ его въ кабинетъ.

— Что скажешь? обратился къ нему Сергѣй Андреевичъ.

Садовникъ молча снялъ со стѣны картину, изображавшую фрукты и цвѣты, и за ней обнажилась зиявшая дыра. Дверца несгораемаго шкафа была взломана и все кругомъ нея было исцарапано и помято.

— Это еще что такое? воскликнулъ въ удивленіи Сергѣй Андреевичъ.

— Несгораемый шкафъ... отвѣтилъ садовникъ.—Это не вы, ваша милость, изволили его сегодня ночью взломать?

Сергѣй Андреевичъ смотрѣлъ въ удивленіи на шкафъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ-же?.. отвѣтилъ онъ.—Я могъ-бы его отпереть, но совершенно о немъ не зналъ и даже никогда не имѣлъ отъ него ключа!..

— Ну, такъ посылайте же, баринъ скорѣе за полиціей! проговорилъ садовникъ.—Здѣсь находилось духовное завѣщаніе покойнаго нашего господина, инженера Кирсанова, которое украли!

У Сергѣя Андреевича отъ волненія задрожали колѣни.

— Духовное завѣщаніе? спросилъ онъ.—Откуда-ты это знаешь?

— Сегодня я вхожу въ вашъ кабинетъ, чтобы поставить въ немъ цвѣты, отвѣтилъ угрюмо, садовникъ,—и вдругъ вижу—какъ-то криво виситъ эта картина. Это показалось мнѣ подозрительнымъ. Я заглянулъ за нее—а шкафъ открытъ! По просту говоря,—его взломали!

— Но почему-же ты думаешь,

что тамъ было духовное завѣщаніе барона?

— А вотъ извольте поглядѣть-сь... Я нашель эту записку здѣсь на полу! Должно быть, вашъ гость ночью обронилъ-сь!

И садовникъ протянулъ къ Сергѣю Андреевичу ту самую записку, которая лежала на 182-й страницѣ «Притчъ святыхъ отцевъ Восточной церкви» и которую не успѣла взять изъ нея Женья, когда неожиданно вошелъ въ кабинетъ Сергѣй Андреевичъ и отобралъ отъ нея эту книгу.

— Какой ужасъ! проговорилъ Сергѣй Андреевичъ и взялся за лобъ, — Какъ это съ его стороны преступно!.. Что-же теперь дѣлать? Какъ быть? Скорѣе за исправникомъ за становымъ! Ловите его! Зовите скорѣй народъ!

И онъ заметался по комнатѣ. Но садовникъ вѣжливо подошелъ къ нему и взялъ его за рукавъ.

— Осмотрѣли-бы вы, баринъ, лучше нашу барышню! многозначительно кивнулъ онъ въ сторону гостиной. — Не встрѣтились-ли они ночью въ кабинетъ во время взлома? Не было-ли между ними борьбы? Не поранилъ-ли онъ ее?

Всѣ мелкіе интересы вдругъ вылетѣли у Сергѣя Андреевича изъ головы. Завѣщаніе, предстоящая бѣдность, это наглое злоупотребленіе гостепрѣимствомъ, которымъ такъ оскорбилъ его Аркадій, сразу-же поблѣднѣли въ его глазахъ передъ

возможностью потерять Женю. Что, если садовникъ былъ правъ и Женья дѣйствительно выдержала борьбу? И, не помня себя отъ страха за дѣвочку, онъ схватился за голову и выбѣжалъ въ корридоръ.

— Нина! Нина! закричалъ онъ женѣ. — Иди сюда скорѣй! Бѣги сюда скорѣе, Нина!

Встревоженная его голосомъ, Нина Петровна выбѣжала къ нему въ корридоръ. Дѣти проснулись и повскакивали на своихъ кроваткахъ. Онъ схватилъ жену за руку и втянулъ ее въ гостинную. Женья все еще лежала на диванѣ на спинѣ и была блѣдна.

— У насъ несчастіе, Нина! заговорилъ Сергѣй Андреевичъ. — Сегодня ночью насъ обокрали!

И, бросившись къ Женѣ, онъ схватилъ ее за плечи и сталъ теревить.

— Женья! заговорилъ онъ. — Милая моя дѣвочка! Проснись! Ты жива? Ты не ранена нигдѣ? Проснись-же, дорогая моя! Расскажи, гдѣ у тебя болитъ.

Она вздохнула, шевельнулась и открыла глаза. Увидѣвъ себя въ гостиной на диванѣ, въ такой необычной обстановкѣ, и около себя Сергѣя Андреича и Нину Петровну, которые смотрѣли на нее озабоченными глазами, она улыбнулась.

— Развѣ уже поздно? спросила она.



Городъ Ментона на югъ Франці.

Острое чувство радости, что она жива, наполнило души Сергѣя Андреевича и Нины Петровны.

— Тебѣ нигдѣ не больно? спрашивали они ее. — У тебя нигдѣ не болить? — Онъ не причинилъ тебѣ никакого вреда?

При словѣ «онъ» Женя вздрогнула. Вся картина минувшей ночи въ одно мгновеніе промелькнула у нея, какъ тяжкій сонъ, передъ глазами. Она вспомнила о конвертѣ съ пятью печатями, встревожилась и стала искать его около себя. Но онъ оказался при ней и только забился къ ней подъ мышку. Она схватила его, приподнялась и протянула его къ Сергѣю Андреевичу.

— На, дядечка, возьми! сказала она. — Онъ собирался взять это письмо себѣ, но я ему не дала!

Затѣмъ она рассказала все, что съ нею произошло за эти два дня и что случилось ночью въ кабинетѣ,

Сергѣй Андреевичъ увидалъ этотъ таинственный пакетъ, но что онъ теперь значилъ для него въ сравненіи съ тѣмъ, что она-то сама, Женя, была жива и здорова и повидимому не пострадала ничѣмъ? Онъ

перегнулся къ ней черезъ спинку дивана, обнялъ ее и горячо поцѣловалъ.

— Дай сюда твою ручку! сказалъ онъ.

Она протянула къ нему свою правую руку, а въ лѣвой продолжала держать пакетъ. Онъ поднесъ ее къ своимъ губамъ и поцѣловалъ. Затѣмъ онъ взялъ отъ нея запечатанный пакетъ.

— Въ этомъ конвертѣ духовное завѣщаніе твоего пріемнаго отца, сказалъ онъ. — Быть можетъ онъ завѣщаетъ все свое имущество комунибудь другому, а не намъ. Быть можетъ, черезъ минуту или черезъ двѣ мы будемъ здѣсь уже чужими. Но что-бы съ нами ни случилось, Женюша, знай, что мы такъ полюбили тебя, что не разстанемся съ тобою никогда!

И взявъ Женю на руки, онъ понесъ ее къ ней въ комнату. Она обняла его одной рукой за шею, а въ другой все еще продолжала держать пакетъ, Нина Петровна послѣдовала за ними. Вѣрочка и Дима въ однихъ рубашенкахъ и съ встревоженными личиками и не понимая въ, въ чемъ дѣло тоже побѣжали вслѣдъ за Женей

К. Тр.—

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРИХОДЪ ВЕСНЫ.

Грачи, грачи!.. Прошелъ ужъ ледъ,
Ручьи стремятся съ шумнымъ бѣгомъ,
И, чередуясь со снѣгомъ,
Ужъ теплый дождь порой идетъ.

Скворцы, скворцы!.. Бурѣтъ лѣсъ,
Ужъ на деревьяхъ пухнуть почки,
Глядятъ подснѣжки—цвѣточки
И свѣтитъ солнышко съ небесъ,

Сирень, сирень!.. Ужъ отцвѣли
Сады вишневые и сливы,
Ужъ зеленѣютъ ярко нивы
И коростель кричитъ вдали.

Весна, весна!.. Среди полей
Мычатъ стада, свирѣль играетъ
И сладко пѣсни распѣваетъ
Въ кустахъ прекрасный соловей.

Кузнечикъ.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Я люблю вѣшаться на плечахъ
у людей. Человѣкъ—мой рабъ: онъ
ни одной минуты не можетъ про-
жить безъ меня. Но, будучи мо-
имъ рабомъ, завися отъ меня и
не смѣя безъ меня ступить и шагу,
онъ, тѣмъ не менѣе, мой господинъ
и повелитель и часто вѣшаетъ
меня, поретъ и рѣжетъ на куски.

Что я такое?

II.

— Зачѣмъ въ поѣздѣ ѣдетъ
также и товарный вагонъ?

III.

На деревѣ сидѣла бѣлка. Когда
охотникъ ранилъ ее, то она на трехъ

лапкахъ должна была убѣжать къ
себѣ въ норку. Почему она убѣжа-
ла, а не отдалась охотнику живая?

IV.

Сливки, которыя прокисли, вы-
лили котятамъ,

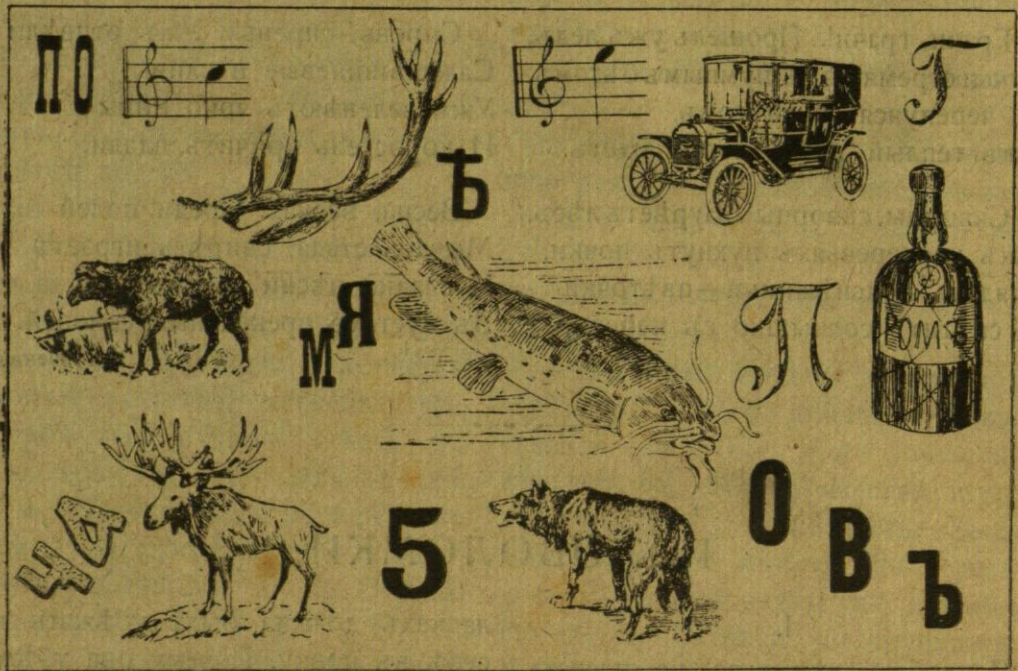
Какіе здѣсь фрукты?

V.

Если къ тому, что ожидаетъ
преступниковъ, приложить то, на
что садятся иногда корабли, то
получится вкусное лакомство.

Что это такое?

Ребусъ № 10.



(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ и головоломки, будутъ напечатаны).

Рѣшеніе головоломки и ребуса № 8, помѣщенные въ № 8 «Золотого Дѣтства».

Ер. Головоломки: I, крестъ, стаканъ, кустъ, каска, тараканъ, секретъ, карта, ракета, укусъ, карета, трусъ, Сенатъ=Туркестанъ. II, Голо+ва (голова), спи+на (спина), ...ру+ка (рука), чело, ...ухо, но+съ (носъ), ...гла+за (глаза), ...ребро, ...гу+бы (губы), волъ+осы (волосы), ...ще+ка (щека), ...бро+ви (брови). III, 1, За кустомъ. 2, По землѣ. III, Степанъ, аулъ, татаринъ=Стеаринъ. IV, руина, бабочка, халатъ=рубаха. V, Бумага, Столица, Канарейка=малина.

Ребусъ № 8. Лѣ+томъ+око+л+оса+дача+сто+п+ели+дѣв+ушки=лѣтомъ около сада часто пѣли дѣвушки.

Вѣрные рѣшенія прислали: Л. Чудинова, Б. и Т. Гейманъ, Дѣти Кудишъ, И. Эгертъ, А. Экслеръ, М. Герасевъ, Н. Горошковъ, Л. Бѣлкинъ, А. Цицуринъ, Н. Братцева, Оксаночка, Ниночка и Гришутинъ, Г. Клименко, З. и Л. Смирновы, В. Гурари, Р. Александръ, К. и Г. Бихеле, Л. Салитанъ, Н. и Н. Вакуровы, М. Тейлоръ, С. Липскерова, Л. и М. Екстифѣвы, Г. и Ж. Федуловы, Л. Апасова, Ф. Луковниковъ, Д. и И. Абромсонъ, К. Соболева, М. Буйвилло, О. Новикова, С. Фромченко, А. Крымова, Дѣти Одигитрѣвскія, Н. Степанова, Ш. Фирфарова, А. Воздвиженская, П. Карнѣевъ, С. Богдановичъ, Гандлеръ, Г. Васильевъ, Н. Губаръ, В. Храповъ,

Г. Затмилова, А. Глушковъ, О. Бѣлоярцева, Дѣти, Стрѣленскія, В. Касторскій, Н. и Н. Рудаковы, Д. Юрченко, Кобецкій, Л. Шапкина, Я. Лапинъ, А. Дартау, Б. Давыдовъ, А. Левенсонъ, М. Гальцева, М. и Б. Плетниковы, М. Шлыкъ, В. Поповъ, Т. Мозакинъ, Терентьевъ, К. Мясниковъ, Н. Нейцъ, В. Буржанскій, А. Маховъ, Д. и И. Благовѣщенскіе, А. Воздвиженскія, Л. Рубинштейнъ, Э. Мейеръ, А. Крыловъ, Т. Долголева, В. Макке, Б. Иванюкъ, В. Сидоренко, В. Лебелевъ, В. Поповицкая, М. Могучій, Д. Томбакъ, Н. Иванова, И. Семеновская, К. и Ю. Удюрлинскія, Л. Герасимова, К. Якушко, Ф. Смылова, О. Устюжская, Л. Друзякина, Н. Каревъ, У. Рыбаковъ, А. Неѣлова, М. Сафонова, Л. Правдина, Н. Крючковъ, С. Кушниръ, Б. и Л. Леоновы, П. Шоринъ, В. Александровъ, В. Рябининъ, В. Посадская, С. Лившицъ, А. Ивановъ, Дѣти Здановиче, Л. Довыдова, Дѣти Яковлевы, К. и С. Золотинскіе, О. Болло, П. Герингъ, Т. Романовскій, Ю. Молчановъ, В. Пославская, М. Сазанова, Дѣти Лаврентьевы, Ю. Волосѣвичъ, Ж. Винтеръ, Ш. Айзенманъ, М. Ечевствъ, А. Вайсбрутъ, Л. Глоба, Н. Савельевъ, М. Трахтенбергъ, Б. Матѣевъ, Ф. Изергина, И. Галиновскій, Л. Роммъ, М. Мазуренко, Ш. Гошень, Ш. Галкинъ, Ж. Нейманъ, П. и В. Борисовы, А. Страманъ, В. Дегумъ, Б. Домгъ, Э. Веклеръ, Осолодковъ и Ивановъ, В. Федоровъ, К. Смирнова, Н. И. Поливанова, Г. Котляревскій, И. Звѣздочетовъ, М. и Т. Михальскія.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1917 годъ

НА ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей М. П. Чехова.

Выходитъ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ (24 номера въ годъ).



ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

12 ИГРЪ для дѣтей.

24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (раскрашенные въ четыре краски)

ОСОБЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ ГОДОВЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:

1) КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТРЪ.

2) Книга съ иллюстраціями:

❖ ❖ ❖ СО ДНА ПРОПАСТИ. ❖ ❖ ❖

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ
5 р 80 к., на полгода 2 р. 90 к.Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ, Каменноостровский проспектъ, 26, и въ
извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петрограда.

5 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. Чеховъ.

ИГРА ВЪ ПАУТИНКУ.

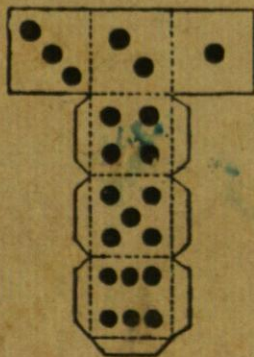
(Приложеніе къ этому номеру).

Играющихъ сколько угодно. Играютъ по очереди. Каждый запасается пуговицей. Начинаютъ съ центра (1) и идутъ по указанной дорожкѣ съ тѣмъ, чтобы достичь цифры 6. Для этого бросаютъ косточку и продвигаются настолько очковъ впередъ, сколько выйдетъ на косточкѣ.

При этомъ случайности: 1) Если пуговица станетъ на *полосатенькій* кружочекъ, то ее сразу же передвигаютъ на кружочекъ съ крестикомъ, ждутъ здѣсь очереди и затѣмъ бросаютъ косточку и продолжаютъ свой путь далѣе. 2) Если пуговица станетъ на *темный* кружочекъ, то ее сразу же передвигаютъ на соответствующій кругъ съ цифрой (2, 3, 4, 5). Здѣсь игрокъ уплачиваетъ въ общую кассу штрафъ въ размѣрѣ столькихъ ставокъ, сколько указано на цифрѣ, и затѣмъ дожидается своей очереди. Когда до него дойдетъ очередь, то онъ идетъ по линіи направо до перваго *благаго* кружка съ *точкой*, останавливается на немъ, ждетъ опять

своей очереди и потомъ уже бросаетъ косточку и отправляется по назначенію далѣе.

Кто достигнетъ цифру 6 раньше всѣхъ, тотъ считается выигравшимъ и получаетъ всѣ ставки.



Склеить косточку.